

К. П. Боришполец

Вводные комментарии

Оценка военно-политической обстановки в межгосударственном и внутригосударственном измерениях является базовым условием обеспечения национальной безопасности страны. Особая роль при этом принадлежит прогнозным заключениям, которые по своему смыслу остаются вероятностными, но существенно повышают определенность целеполагания при принятии решений. В практике известны различные подходы к формированию такого рода заключений.

В рамках академических исследований преобладает сочетание нормативного и эмпирического подходов с опорой на крупные теоретические концепты (основные — неореализм, неолиберализм, конструктивизм), каждый из которых предлагает свой набор показателей и критериев, характеризующих ресурсы, интересы и результативность деятельности участников международного взаимодействия. Главным различием этих концептов выступает противоположность понимания международных процессов: для реалистов их суть заключается в межгосударственных конфликтах за право доминирования в международной среде, а для либералов — в стремлении к сотрудничеству и устранению внутренних и внешних препятствий к его развитию. Популярные в постбиполярный период идеи конструктивизма, сторонники которого пытаются сочетать прикладные положения (показатели, критерии

классификации, модальные обобщения и т. д.), используемые неореалистами и неолибералами, не обеспечили разработку универсальных положений для систематизации профильной информации. Вероятно, гипотетической равнодействующей трех подходов мог бы выступить тезис о формировании баланса сил, который был бы, с одной стороны, открыт для продвижения сотрудничества, а с другой, не приводил к «катастрофам», т. е. скачкообразным качественным изменениям обстановки на международном и внутривнутристрановом уровне. Но такая задача в рамках основных парадигмальных установок (неореализма и неолиберализма) не имеет положительного ответа, и речь может идти только о создании отдельных прикладных инвариантов стратегических решений.

Как нормативный, так и эмпирический подходы предполагают возможность моделирования с применением формализации и квантификации (в том числе математические модели), а также с использованием индексирования, процедур статистической обработки и различных процедур экспертных оценок. При этом моделирование и экспертные оценки, которые на практике выступают как взаимодополняющие аналитические средства, являются вспомогательным инструментом, помогающим специалистам сделать правильные рекомендации для военно-политического руководства страны. Основные параметры и переменные величины квантифицированных моделей военного прогнозирования вводятся в систему военными специалистами, действующими на основе своего опыта и знаний. Обычно внимание аналитиков сосредотачивается на факторе военной силы, как наиболее значимом компоненте национальной мощи и обеспечения безопасности. Примером прикладной разработки является предложенная квантифицированная (математическая) модель прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ (А. В. Александров). Для проведения углубленного исследования моментов национальной безопасности РФ, связанных с контролем над вооружения-

ми, целесообразно включить показатели по ключевым проблемам СНВ,ТЯО, ПРО, ДОВСЕ (Козин В. П.).

Вместе с тем необходимо учитывать, что, во-первых, на современном этапе существует большое количество квантифицированных вариантов прогнозирования военно-политической обстановки, что наглядно подтверждает краткий обзор зарубежных прогнозов военно-политического характера (Я. А. Чижевский), во-вторых, что оно тесно переплетается со среднесрочными и долгосрочными экономическими прогнозами, подготовленными на базе специализированных моделей (Д. А. Дегтерев), в-третьих, что в последние два десятилетия все большую роль в контексте военно-политического прогнозирования внутренней и международной обстановки, проводимого в США и странах ЕС, играет учет новых вызовов и угроз (А. А. Казанцев). В частности, в экспертной проработке учитываются такие показатели, как взаимодействие государственных и негосударственных акторов в новых типах операций, частные аспекты опыта «глобальной войны с терроризмом», иракской и афганской кампаний, роль сетевых структур и технологий во внутренней и внешней политике, развитие «мягкой силы» как нового способа обеспечения безопасности. Все эти показатели являются, с одной стороны, самодостаточными индикаторами при описательной характеристике развития ситуации или основой для формализованного (с последующей квантификацией) моделирования на глобальном, региональном или локальном уровнях анализа. При адекватной коррекции они вполне могут быть применимы в отечественной практике. Вместе с тем необходимо отметить пилотный характер большинства зарубежных разработок в области методологии анализа новых вызовов и угроз, преобладающую «завязку» на конкретный эмпирический материал и, следовательно, ограниченные возможности экстраполяции, а также неоднозначность способов перехода от краткосрочного и среднесрочного прогнозирования к прогнозированию долгосрочному.

С учетом реалий последних десяти–пятнадцати лет и соответственно нескольких ближайших десятилетий, при оценке показателей и критериев межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки, как и стратегической обстановки в мирное время необходимо обратить особое внимание на роль субъективных культурно-исторических и военно-политических особенностей участников международного взаимодействия, которые формируют широкую глобальную среду и одновременно существенно влияют на соотношение сил при решении конкретных международных проблем. В этой связи популярным, но все еще преимущественно поисковым направлением, является анализ стратегических ориентиров восточных держав, таких как КНР и Индия, который пока не достаточно интегрирован в комплекс «западных» представлений как о «жесткой», так и «мягкой» силе в международном взаимодействии. Тем не менее, именно учет долговременных факторов, тесно связанных с культурной и внутривосточной эволюцией восточных обществ позволяет предметно оценить многие крупные проблемы, в частности значимость китайского ядерного фактора в контексте региональной конфликтной проблематики и формирования системы отношений с мировыми державами и странами регионального окружения (В. А. Салтыковский). Наземный, морской и формирующийся космический компонент китайской военной мощи, наметившийся разворот к обеспечению безопасности киберпространства развиваются под влиянием таких, отрефлектированных руководством страны моментов, как нерешенные в биполярную эпоху конфликты, возможности страны в области ограниченного ядерного сдерживания в регионе и пока еще минимального сдерживания в глобальном масштабе. В то же время, подчеркнуто приписывая себя к числу развивающихся и уязвимых стран, КНР не против поддержания неопределенности относительно масштабов своих военных преобразований (модернизации). Тем временем внут-

ри страны идет процесс формирования массовой психологии, характерной для великой и очень амбициозной державы. Эта психология строится на сочетании конфуцианских стереотипов с установками, типичными для политического реализма, т. е. максимизации представлений о жесткой международной конкуренции как главного средства реализации национальных интересов. Учитывая, что на сегодняшний день не существует договоренностей, количественно ограничивающих наступательный ракетно-ядерный арсенал КНР, китайский ядерный фактор приобретает все большую значимость как элемент стратегического развития.

Академическая аналитика предлагает широкий спектр важных характеристик стратегической обстановки в мирное время, в ходе международного и внутреннего военных конфликтов, а также разнообразие методов оценки соответствующих критериев и показателей. В этом смысле она является фактором, активно формирующим политическую практику в государственном, ведомственном и общественном измерениях. Однако было бы ошибочно отождествлять процесс принятия профильных решений с теми или иными исследовательскими проектами. Речь идет скорее о востребованности результатов научного, т. е. в идеале — объективного осмысления, которые обобщаются и систематизируются в субъективных интересах участников международного взаимодействия (акторов). В этой связи имеет место сочетание эмпирического и нормативного подходов к определению трендов в области безопасности, которое концептуально отражено в стратегиях безопасности ведущих стран мира.

Анализ действующих концепций национальной безопасности позволяет очертить представление ведущих государств об условиях безопасности в современном меняющемся мире и определить основные национальные подходы к обеспечению этих условий. Другими словами, складывается стратегическая картина мира, остающегося, несмотря на растущую роль

международных неправительственных структур, — миром государств-членов мирового сообщества (М. В. Харкевич).

Необходимо подчеркнуть, что во всех концептуальных документах основной характеристикой современного мира утверждается неопределенность. В условиях неопределенности естественным становится инициативный подход к обеспечению национальной и международной безопасности как к позитивной системе взаимодействия. Но при этом государства определяют безопасность не просто как отсутствие военной угрозы, но одновременно и как распространение определенных ценностей, структур; увязывают безопасность с экономическим развитием и выполнением условий экономического сотрудничества в целях развития. Тем самым усиливается общий разрыв между представлениями о «должном» и «сущем» в международных делах, повышается уровень противоречий, конфликтности, военных вызовов. Западные государства также связывают безопасность с политической свободой. Безопасность, таким образом, приобретает нормативное содержание, что естественно для ситуации неопределенности, но также объективно усиливает тренд конфликтности.

Неопределенность в мировой политике связана с высокой скоростью изменений, значительным усилением за счет новых информационно-телекоммуникационных технологий, «выравнивающих» потенциал ранее слабых акторов, а также эрозии правовой составляющей мировой политики. Основной вопрос мировой политики сегодня де-факто заключается в том, ценностям и интересам каких государств или негосударственных образований будет соответствовать институциональная и нормативная структура мирового сообщества XXI века. Этот вопрос отражен и в анализируемых документах. Государства четко определяют в них ценностное и институциональное лицо мира, который бы наилучшим образом обеспечивал их безопасность. Например, условиями глобального лидерства США, а значит и их безопасности, признаются такие моменты, как

региональная открытость (для американского присутствия), ресурсная доступность (различных по локализации источников) и экономичность вооруженных сил.

Западные государства продолжают ориентироваться на либеральную модель международных отношений, в основе которой лежат ценности политической, экономической и институциональной свободы, прав человека и капиталистической модели экономического развития.

Россия и Китай, а также частично Бразилия во главе своего списка ценностей помещают суверенитет и территориальную целостность. Повестку дня государств БРИКС в сфере безопасности не следует рассматривать как негативную. Данные государства активно воспроизводят в своей политике фундаментальные ценности и институты Вестфальской модели мира, которая стала складываться с Вестфальских мирных договоров 1648 года в Европе и окончательно кристаллизовалась в Уставе ООН в 1945 году, распространившись на весь мир. Основной ценностью данной модели является независимость (автономия), а основным институтом — суверенитет.

Анализ национальных стратегий безопасности и обороны ведущих государств мира позволяет сделать заключения, важные для России. В самом общем виде они могут быть сформулированы как необходимость активного укрепления оборонного потенциала страны с учетом факторов модернизации вооруженных сил, открытия новых сфер международной конкуренции, повышающих конфликтную составляющую мировой политики, обострения борьбы за ресурсы и потенциальных союзников на мировой арене.

В целом, в академических разработках и официальных концепциях ведущих государств логика анализа глобальной стратегической обстановки в мирное время пока преобладает над логикой анализа конфликтных ситуаций. Но такое состояние является неустойчивым, и де-факто мир в своем развитии вступил в межвоенный период.

Что касается проекции универсальных парадигмальных оценок международного взаимодействия на область показателей и критериев перспективной практической деятельности, следует подчеркнуть, что реализм (неореализм) с его ориентацией на максимальное продвижение национальных государственных приоритетов очень эффективен при тактических построениях, однако при планировании за пределами краткосрочной и особенно среднесрочной перспективы возрастает значимость либеральных (неолиберальных) подходов в том, что касается учета интересов партнеров, а в широком смысле — реакции среды на односторонние действия конкретного актора. Поэтому методология прогнозного проектирования предполагает внесение динамического элемента цикличности по принципу: «прорыв» и нарушение баланса сил на мировой арене — «восстановление равновесия»

Общая характеристика и методология оценки развития военно-политической обстановки предполагает анализ способов прогнозирования качественных и количественных показателей на долгосрочный период. Успешное долгосрочное планирование в этой сфере открывает значительные возможности проведения инициативной политики с учетом положительных и негативных стимулов внутристрановой или международной среды, принятия превентивных мер, рациональных решений и общей минимизации затрат на их реализацию. Одновременно в академических и прикладных исследованиях на этом направлении указываются и значительные практические ограничения в области долгосрочного планирования: 1) Необходимость обобщения большого количества разнообразной информации, в том числе привлечение специализированных знаний по точным и естественным дисциплинам. 2) Нарастание фактора неопределенности и накопления возможных ошибок по мере перехода от краткосрочного к среднесрочному и особенно стратегическому прогнозированию. 3) Отсутствие (несмотря на достижения синергетики) надежных средств учета «форс-мажорных» обстоя-

тельств (соотношение закономерного и случайного). 4) Фоновое влияние неформальных моментов, специфических на каждом отдельном этапе развития ситуации и в каждом отдельном случае. 5) Человеческий, а точнее, кадровый потенциал ведения и реализации проектов, необходимость принятия решений не по фактическому положению дел, а лишь ожидаемым событиям, выходящими к тому же за сроки пребывания того или иного руководителя на ответственном посту.

Тем не менее, востребованность долгосрочного и особенно стратегического прогнозирования продолжает нарастать. На современном этапе оно может рассматриваться не только как инструмент познания, но и конструирования будущего. Например, форматы планируемого технологического прорыва одного из членов мирового сообщества, во многом определяют характер поисковых разработок других государств, и новый технологический цикл начинает складываться задолго до того, как он будет определен и осознан. Важную роль в создании будущей картины мира играют и долгосрочные прогнозы относительно истощения природных ресурсов, изменения климата, демографических трендов и т. д. Другими словами, долгосрочное прогнозирование является сегодня активным способом управления реальными событиями, состоящим, как из истинных, так и из ложных, «шумовых» импульсов. Однако при взвешенном подходе к его применению позитивные моменты, безусловно, преобладают над рисками.

Разработка и (или) использование методов прогноза значений показателей и критериев военно-политической и стратегической обстановки на долгосрочный период осуществляется по нескольким направлениям. К первой группе методического инструментария могут быть отнесены описательные аналитические обобщения характеристик актуального военно-технического потенциала мировых держав, в частности, состояния и перспективы развития ракетно-ядерных, противоракетных и обычных вооружений США и их последствия для национальной

безопасности Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективе (В. П. Козин). В рамках этого подхода, формирующего основное внимание при построении прикладных показателей уделяется точности технических параметров состава стратегической «триады» и других компонентов военного потенциала, а также ожидаемых изменений, вводимых дополнительных или новых типов вооружений, данных о военно-техническом проектировании с определением влияния зафиксированных параметров на ресурсы военной мощи и возможности ее адаптации к вызовам международной среды.

Такой подход позволяет с высокой степенью объективности оценить изменения системных способностей ведущего участника современной международной конкуренции к применению силы за пределами своей территории и защиты от силового воздействия со стороны внешних противников. Для этого анализируются четыре основных направления развития вооруженных сил Соединенных Штатов, в том числе 1) перспективы усовершенствования их ракетно-ядерных средств, включая долгосрочную модернизацию стратегических и тактических ядерных вооружений, возможные последствия развертывания глобальной противоракетной системы (в частности учитываются итоги реализации первого этапа «Европейского поэтапного адаптивного подхода» (ЕПАП) к развертыванию системы противоракетной обороны в 2011 году и на продолжающееся осуществление второй фазы указанной программы, намеченной на 2012–2015 годы), 2) особенности развертывания системы ПРО США и их союзников в АТР и Азии, 3) особенности американской системы ПРО морского базирования, на которую падает основная часть американских ракет-перехватчиков, 4) процесс совершенствования обычных, в том числе гиперзвуковых вооружений повышенной дальности.

В целом, система качественно-количественных показателей и критериев (индикаторов) формируется в рамках четырех логически взаимосвязанных модулей: 1) перспективы развития

ракетно-ядерных вооружений (характеристики долгосрочной модернизации СНВ и усовершенствование ТЯО), 2) последствия создания глобальной системы ПРО (итоги первого этапа ЕПАП и выполнение второго этапа ЕПАЛ, развитие системы ПРО морского базирования, особенности развертывания системы ПРО в АТР и Азии), 3) анализ ядерной доктрины и перспективы ее адаптации к военно-политической обстановке, 4) совершенствование обычных, в том числе гиперзвуковых вооружений. Завершающим пятым модулем выступает детерминированный прогноз развития вооруженных сил и вооружений США до 2099 года.

Достоинством изложенного подхода к разработке и применению качественно-количественных показателей выступает сочетание описания военно-технических аспектов стратегического развития военного потенциала с подробным анализом последних редакций американской ядерной доктрины. Включение доктринального компонента позволяет, во-первых, проводить дополнительную верификацию декларируемых американским ВПК намерений, а, во-вторых, уточнить основные положения стратегического прогноза ключевых условий развития вооруженных сил и вооружений США до 2099 года с соответствующей проекцией возможных угроз национальной безопасности Российской Федерации, например устойчивой тенденции выдвигание средств передового противоракетного базирования через акваторию мирового океана к берегам России с целью усиления наземной составляющей ПРО на европейском континенте.

Ко второй группе разрабатываемого методического инструментария составляют подходы, опирающиеся на математические процедуры различной сложности, и формирующие пространство преимущественно количественных показателей могут быть отнесены: компьютерное моделирование международных отношений, контент-анализ социальных сетей, теоретико-игровой анализ международных отношений, нечеткие множества в задачах прогнозирования (Д. А. Дегтерев).

Характерной особенностью этих способов формирования прогнозных заключений является изначальная «заточенность», даже в случае ввода качественных индикаторов, на использование вычислительной техники и широкие возможности для анализа вариативности конечных результатов изучаемых процессов при заданных изменениях исходных данных. Тем самым многократно расширяется охват фактологического материала, динамичность его мониторинга и корректировки. Но одновременно повышаются формальные требования к содержанию качественных критериев сортировки «важных» и «неважных» для целей конкретного проекта сведений.

В настоящее время каждое ориентированное на использование вычислительной техники направление работы с количественными показателями (индикаторов) имеет много разновидностей. Так множество компьютерных моделей, позволяющих анализировать общие параметры международной ситуации, можно разделить на несколько категорий, так или иначе связанных с определением фоновых моментов развития военно-политической обстановки в ее различных измерениях. К наиболее простым компьютерным моделям по международной проблематике относятся международные системы антикризисного реагирования, получивших распространение во многих странах. Спектр использования данных систем огромен — от улучшения климатического мониторинга и прогнозирования эпидемий редких заболеваний до картирования и классификации экосистем и управления водными ресурсами. К более сложным системам компьютерного моделирования, связанным уже с интерпретацией сравнительно отдаленных во времени первичных данных, относятся системы анализа и прогнозирования. Четкой границы между моделями кризисного реагирования и системами анализа не существует, поскольку на основании фиксирования пороговых (критических значений) и последующего прогнозирования ситуации предпринимаются действия по превентивному урегулированию кризиса. Кроме

того, к компьютерным моделям международных отношений относятся разнообразные модели международных конфликтов; модели международных переговоров, модели, имитирующие процесс принятия решений в кризисных ситуациях; модели баланса сил и мирового развития и др. Все они строятся на объединении в единую логическую цепочку специфических разномодульных индикаторов, круг которых, с одной стороны, постоянно варьируется и расширяется, а с другой — обладает неким постоянным ядром, доступным для внешней содержательной верификации. Характерно, что во многих задачах, связанных с компьютерным моделированием в международных отношениях, используется метод скрытых Марковских цепей (НМС). В ходе этой процедуры значения некоторых объясняющих переменных многократно «разыгрываются» по заданным распределениям вероятности с определенными значениями их параметров (среднее значение, дисперсия), а потом оцениваются вероятности различных значений объясняемой переменной. Скажем, для одной случайной переменной используется равномерное распределение, для другой — нормальное. С точки зрения математики здесь речь идет об определении совместного распределения вероятности при известных условных распределениях для нескольких случайных переменных. Для реализации метода еще в 1980-х годах на западе была разработана и теперь широко используется вычислительная процедура под названием «Gibbs sampling». Соответствующий алгоритм известен также как МСМС (Markov Chain Monte Carlo), он реализуется в виде компьютерных программ типа GAGS (Just another Gibbs sampler). Термин «цепь» (Chain) в данном случае означает последовательное вычисление значений переменных. Реализация того или иного исхода каждый раз определяется с помощью датчика случайных чисел. Таким образом, при просчитывании цепи реализаций, по сути, проводится своего рода численный эксперимент. Для достаточно точного вероятностного моделирования необходимо просчитать десятки или даже сотни

тысяч таких цепочек, что без компьютера просто невозможно сделать. В русскоязычной литературе эта процедура не столь детально разработана и обычно рассматривается просто как одна из имитационных разновидностей метода Монте-Карло.

Кроме того, в ряде компьютерных моделей международных отношений широко используются теоретико-игровые методы, позволяющие просчитать все возможные сценарии развития ситуации и выбрать из них наиболее оптимальный.

Компьютерное моделирование международных отношений представляет собой современный, высокотехнологичный инструмент анализа международной среды, однако процесс формализации реальных процессов, является основной причиной неадекватности прогнозов, сделанных с помощью данного метода при субъективном (а нередко — и волюнтаристском) характере принятия решений лидерами государств на международной арене.

Контент-анализ социальных сетей, как и компьютерное моделирование международных отношений, может использоваться для изучения фоновых условий военно-политической обстановки, причем с учетом событий «Арабской весны», второго издания «Оранжевой революции» на Украине и т. п. Значимость этого методического инструментария в прогностических целях возрастает. Техника методики контент-анализа хорошо апробирована, и основная исследовательская задача состоит, главным образом, в определении набора ключевых словарных категорий, используемых во взаимосвязи с эмоциональным состоянием индивидов, для последующей обработки лексических материалов, подобранных для целей проекта. Но контент-анализ социальных сетей объективно имеет ограниченную прогностическую значимость и не может применяться для стратегического прогнозирования.

Более адекватным целям стратегического прогнозирования является теоретико-игровой анализ различных аспектов взаимодействия на внутривосточном и международном уровне.

Различные типы игровых моделей, каждый из которых предполагает, во-первых, разные ситуационные обстоятельства для своего применения, во-вторых, по-разному рассматривает состав необходимых для анализа переменных, в-третьих, по-разному определяет необходимость дифференциации потенциала участников, успешно применяются для изучения военно-политической обстановки. Лежащая в их основе Теория игр продолжает играть роль «полиции логики», делая более четким неформализованный политический анализ в рамках глобальных экспликативных теорий, в особенности неореализма и свойственному в этой связи стремлению к максимизации одностороннего выигрыша.

Учитывая, что в рамках прикладных задач прогнозирования, как правило, приходится принимать решения в условиях неопределенности, значительного внимания заслуживает обращение к нечетким множествам, позволяющему «выйти» на формализованный алгоритм обработки информации с последующим переходом к комплексному моделированию ситуации или процесса, связанного с изменением военно-политической обстановки.

Таким образом, ориентация на разработку и использование количественных, а точнее, количественно-качественные показатели в аналитической деятельности определяет масштабный методологический сегмент формирования долгосрочных и стратегических перспектив военно-политической обстановки в ее различных пространственных измерениях.

Потребностям оптимизации качества прогнозов военно-политической обстановки, особенно в плане концептуального осмысления перспективных вызовов и рисков отвечают новые научно-экспертные подходы к вопросам военного планирования и обеспечения международной безопасности, а также целевая разработка конкретных методов определения прогнозных показателей на основе экспертного опроса ученых-международников и специалистов в смежных отраслях (А. А. Казанцев). Они

позволяют максимизировать фактор нетривиальных профильных знаний, которыми обладают высококвалифицированные специалисты, минимизировать, путем обобщения предметных заключений, возможности значительных «субъективных» искажений и обладают высокой степенью динамичности при подготовке итоговых выводов.

В этой связи статистически значимое множество ответов по тематическим разделам: А) Угрозы национальной безопасности и количественные аспекты военного планирования и Б) Каково может быть реальное (а не желаемое) соотношение, с одной стороны, военной, с другой стороны, экономической и «мягкой» силы России в обеспечении ее безопасности, которые включали содержательно важные смысловые подкомпоненты, обеспечивает полезные в практической деятельности результаты. Применение процедуры экспертного опроса на основе проработанных качественно-количественных и количественно-качественных критериев полезно, прежде всего, для определения в первом приближении характера будущих внешних угроз, поиска союзников, прогноза развития угроз в разных регионах на соответствующие периоды долгосрочной и стратегической перспективы. Они также могут учитываться в планировании общих параметров развития структуры военной организации государства и вооруженных сил, вплоть до указания на потребность в конкретных подразделениях и системах вооружений. Например, для сохранения потенциала стратегического сдерживания в отношении иностранных держав нужны одни силы и системы (высокотехнологичные стратегические силы), для эффективных действий в условиях региональных конфликтов — другие (обычные силы), для противодействия новым угрозам безопасности — третьи (спецназ, разведка, связь, кибероружие, и т. п.).

Экспертное прогнозирование, выступает эффективным методическим средством, позволяющим снизить в первом приближении неопределенность представлений об угрозах нацио-

нальной безопасности РФ и количественных аспектах военного планирования (А. А. Казанцев). В составе опросного листа, с которым работали специалисты, было включено двенадцать специальных вопросов, которые нужно было оценить в процентном отношении по стобалльной шкале и применительно к нескольким временным этапам — через 15, через 30 и через 50 лет. В число вопросов входили такие как «соотношение военных потенциалов конкурирующих великих держав», «военные расходы России по отношению к ВВП», «необходимая доля увеличения экономико-российского технологического потенциала», «потенциал, необходимый России для нейтрализации локальных конфликтов», и т. д.

Сходным по технике с предыдущим вариантом экспертного опроса (экспертных оценок) в области военного планирования является пример определения факторов, повышающих или понижающих оценку военного потенциала России, необходимого для преодоления международных угроз (А. А. Казанцев). Анализ результатов экспертного прогнозирования позволил предложить специализированный алгоритм военно-стратегического планирования с учетом международных факторов: «необходимый военный потенциал России на соответствующий период времени = военные потенциалы конкурирующих великих держав X экспертную оценку технологического потенциала великих держав (в сферах, чувствительных с точки зрения развития военных технологий) X демографический потенциал великих держав с учетом качества человеческого капитала (образование, здоровье) (экспертный прогноз) X потенциал, необходимый для нейтрализации локальных конфликтов и нетрадиционных угроз безопасности / фактор стратегического сдерживания (прежде всего, ядерного) X возможности нейтрализации угроз безопасности при помощи «мягкой силы» России X нейтральная или дружественная позиция соседних государств и великих держав (экспертный прогноз) X общий потенциал сохранения стратегической стабильности в мире и сотрудничества в преодолении

новых угроз за счет баланса сил, экономического сотрудничества и работы международных организаций (экспертный прогноз) X экспертное выделение ключевых с точки зрения наших национальных интересов регионов и прогноз развития конфликтов в них с учетом возможности, что Россия может быть непосредственно втянута в соответствующие конфликты (в целом ряде регионов мира, например, в Африке или Латинской Америке, мы вполне можем избежать прямого втягивания в конфликты и планировать военный потенциал с учетом только интересов в ключевых регионах, к которым относятся, видимо, регионы, непосредственно к нам прилегающие)». Данная формула предполагает проведение серии экспертных опросов среди специалистов в различных сферах и в принципе может быть использована для прогнозирования в различных временных интервалах.

Экспертные опросы и другие форматы обобщения частного знания, личностных аналитических компетенций высококвалифицированных специалистов являются по своему характеру в большей степени чрезвычайным, чем рутинным аналитическим инструментом. Его применение становится особенно оправданным в случаях кризисного или предкризисного реагирования, когда с особенной остротой ощущается потребность принятия четких оперативных решений, а также в контексте разработки концептуальных оснований для проектов в области стратегического планирования.